

Илья Муромец (6)

Илья-то Муромец сиднем сидел тридцать три года. Пришли к нему калики перехожие, а отца-та и матери дома не было, на пожне корни ворочали. Они и говорят ему: «Полно, Илья, нежиться, подай нам чару меду сладкого». — «Что вы смеетесь надо мной? Я ведь тридцать три года сиднем сижу, ни руками, ни ногами не владею». — «Сойди, подай меду сладкого!» И на третий раз говорят ему: «Полно, полно, Илья, нежиться, неси меду сладкого!» Илья, как птичка, соскочил. Соскочил с печи, побежал в погреб, принес меду. Они дали сперва ему пить и спрашивают: «Много ли силы чуешь?» — «Много», — говорит. — «Неси еще цару зелена вина!» Подали ему, выпил Илья чашу, всё до дна. «Много ли чуешь силы?» — «Был бы столб, а на ём кольцо, за что ухватиться, дак я бы перевернул мать сыру землю». — «Много, — говорят, — силы-то наделили». Опять подали ему меду, выпил он, калики и спрашивают: «Много ли убыло силы?» — «А силушка стала половинушка, половинушка стало силушки». — «Тебе, Илья, и того хватит. На битве тебе смерть не писана, не убьют в бою-то». — «А на чем я поеду, у меня коня нет, а дома я сидеть не буду». Калики сказали: «Купи жеребенка вшивого, паршивого, тот тебя заможет, другой не заможет».

Пошел Илья, купил вшивого, паршивого, худущего жеребенка. Куды поезжат с таким? Пустил его в поле пастись. Три дня покормил, дак не узнал. «Ты ли?» — спрашивают. — «Я, — говорит, — отъелся. А ты-то, такой ли был?» Три дня ведь прошли, он-от сбегал на поле, все коренья очистил. Трое суток прошли, он поехал дорогою прямоезжею. Залегла дорога прямоезжая ровно тридцать лет от того Соловья-разбойника Будимировича. Сидит он, собака, на девяти дубах. А Илья-то клятву клал: до

Киева-града

не вынимать чтобы стрелы и лук. А к дубу подъехал — зашипел Соловей по-змеиному, засвистел

по-соловьиному. Конь-то у его на коленки пал. «Что ты, собака, травяной мешок, не слыхал ты

шипю змеиного, а посвисту соловьиного?» Илья стрелил, дак Соловья прямо в правой глаз угодил.

А Соловей сошел, прямо пал кубарем. Кубарем пал, дак он его приторокáл ко стремени кривого-то да

и поехал. Дочери выскочили (*мимо дома Соловья-то разбойника ехали*) да и говорят: «Папа едет, русского

богатыря везет». А мать посмотрела и говорит: «Несите подарки да золото, то отца какой ле

незнакомой человек везет». — «Да нет, то папа русского богатыря везет».

Подъехал Илья. «Не надо мне подарков», — говорит.

После подъехал к Чернигову, а у Чернигова сила-армия татарская. Он опять татар выбил.

Они вынесли ему подарки. «Не надо, — говорит, — отдайте сиротам». Тоже приехал в Киев-град, вошел

в палату, стал на середину, поклонился всем, а князю с княгиней в особинку. Это Чурила-то Пленкович

говорит: «В очах детина завирается, кого-сь ограбил, дак пришел чужого одел». А Илья говорит:

«Посмотрите, князь, мою удачу богатырскую: залегла дорога ровно тридцать лет, а я тебе во двор Соловья

привез». Князь вышел, увидел Соловья и говорит: «Посвисти». А Соловей говорит: «Не твое пил-ел,

не тебя и слушаю». Илья и велел Соловью засвистать вполголоса, а он засвистал во весь свист.

Все и попадали, князя-то и княгиню он под полу взял, дак не упали. Он убил Соловья: не мотай добрых людей, не сироти детей.

Стал Илья служить верой-правдой князю Владимиру. Калин-царь подходил войной, дак его не случилось.

Как кречет, летит Илья, едет. Приехал от Калина татарин. Говорит, требует, чтобы всё отдали,

дак ведь силы-сметы нет. Калика перехожая Иванище какой ле богатырь

был. Встретился
с Ильёй, рассказал ему. «Ты, Иванище, силой боле меня, а удалью хуже
меня». Не дават ему Иванище
сапоги, в них бриллианты были, дорогу показывали. Илья взял платье
каличье, а Иванища привязал
к коню. А сам прибежал в Киев-град. Там никого не пускали милостыню
просить. А он пришел и
заревел под окном: «Подайте милостыну Христа ради». А Идолище сидит у
князя Владимира и говорит:
«Я вам запретил, чтоб сироты не ходили». А Илья в комнату зашел. Идолище
спрашивает: «Какой у вас
Илья, много ли есть да пьет, много ли кушает?» — «Как и я, калека». — «А я
вот по семи ведер пью,
по быку кушаю». — «У моего батюшка была корова обжорлива, обожралась
корова и лопнула». Идолищу
это обидно показалось, кинжал в Илью всадить хотел. А Илья увертлив был,
нож перехватил и в его
всадил.

Князь послал его просить сроку на три дня, чтоб панихиду отслужить. Илья
пошел. Он просил
сроку на неделю и на три дня, а они не дают. Илья говорит: «Не даете, дак
всех переколочу, лысой бес».

Его связали, стал ему Калин-царь в очи плевать, дак не поглянулось (*нам бы
и то поглянулось, а то*
так). Схватил он татарина: куда махнет — улица, перемахнет — переулочек.
Крепок татарин —
не ломится, крепок — не вёрнется. Всех перебил, не знали, куда бежать,
заклинаются: «Чтобы нам боле
в Киеве не бывать!».

Потом ездил, ездил, он ведь не жонат был, поехал в поле поляковать. Одно
время просмотрел
заставу, молодой богатырь какой ле проехал. Добрыня отказался ехать за
им: «Некем мне, старику,
замениться, надо стрянуться». А едет Сокольник, лютой паляницы сын,
стали биться. Подвернулась
нога у Ильи, пал он, а Сокольник на грудь сел. Вынул Сокольник нож, хочет
вынуть ретиво сердцё.

Илья думает: «Мне на поле смерть не писана». Он ему стукнул, тот улетел выше дерева стоячего, ниже облака ходячего. Сел Илья на него: «Чей ты сын, какого отца-матери?» Тот не сказал. Распорол Илья ему груди белые, а на руке повязка была, сын его был. Убил сына-то.

А потом он на Святые горы поехал. Увидел богатыря, а конь-от ему и говорит: «Берегись, ядрен он, затопчёт тебя и меня, не могу против его коня, заберись на дерево». Он влез на дерево. Едет Святогор да ящик хрустальный возит, а в ящике жена его. Сел под дерево закусывать, потом он отдыхать лег, а жена косы заплетать села, да в зеркале и увидела Илью. Увидела и говорит: «Он тебя убьет, я тебя и с конем в корман положу». Святогор трое суток ездил и не знал, конь спотыкаться стал. «Что ты, волчья сыть, не замог носить меня?» — «Я тебя и жону носил, а теперь с богатырем и конем ношу». Он вынул, Илья ему поглянулся. Побратались.

Поехали на Святые горы. Нашли гроб. «Илья, ляг, не тебе ли сделан?» Илья лег. Широк и глубок ему гроб, велик очень. Святогор лег — по ём как раз, да и доска тут. «Илья, закрой меня». — «Что ты, как ето!» Тот не закрыл, он сам натянул, дак доска сама приросла. «Руби, Илья!» — «Меч мой не берет». — «Руби моим мечом!» — «Дак силы нет». — «Пей, у меня пена потечет».

Хлопнул Илья три раза: и поперек обруч стал, а вдоль обруч вырос. Илья заплакал: «Вот сам себя ты захоронил». Самый сильный богатырь всё по Святым горам ездил, мать-земля не носила. Ездил Илья, наехал на погреб с золотом и серебром. «Куда мне с золотом и с серебром?» Взял и церковь поставил.

Приехал к князю, у ёго гостьба. И Илью не признали, оборвался ездил-то. «Где мне место?» — «Да вон в запечьи, где скоморохи». Он как двинул — все железные-то стулья поломал. Князь говорит: «Ты это для чего? То для богатырей было изготовлено. Уходи!» Он ушел да с

голями стал по маковкам
стрелять. Что наделал-то! Князь похватился: кого к Илье послать? Добрыню
послал. Добрыня боится:
«Смерть моя, спереди подойти — убьёт! Как быть?» Подошел Добрыня
сзади: «Брателко названный,
не оскорбись, князь тебя не узнал, пойдём на пир». — «Ты пришел
обходительной, а то я бы убил».
Пошли. Князь Владимир всё разгневался опять снова. Приказал его заточить
во глубок погреб и засыпать
песком, чтоб никто не заходил.

Три года прошло, како ле войско пришло. У князя Владимира дочка была
хорошая. Прокопала ход
и носила пищу Илье. Стал князь тужить. Княгиня и говорит: «Пойдём,
может, Илья жив». —
«Дура баба, волос долог — ум короток». Дочка тоже говорит: «Пойдём,
папа, может жив Илья-то».
А богатыри-то в то время уехали все, как Илью-то князь посадил,
испугались, что и им то будет.
Пришли, а он сидит, и свечка горит. Князь в ноги пал. А он говорит: «За тебя
не иду, за царицу не иду,
а знаю, за кого иду». Потом поехал к етому кресту, приехал, где церковь-то
стоит, тут и умер.

*(Окаменел, так говорят, а кто его знает? Говорят вот, в церкви лежит, а
сапоги на ём разны делались, всё меняли. А в третьей или четвертой год
подметки подбили, дак не стал ходить-то.)*

*(Зап. Митрофановой В. В.: июль 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на —
от Марковой Софьи Степановны, 78 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.